

Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Сергіевскомъ посадѣ. (1825—1830).

II.

Начало *шестого* курса всего болѣе ознакомило меня съ внѣшностію Академіи. Этому знакомству особенно содѣйствовало свободное отъ ученія время, которымъ я пользовался потому, что вылѣчившій меня докторъ В. А. Мичуринъ еще требовалъ для меня отдыха отъ занятій. Послѣобѣденное время я проводилъ обыкновенно между студентами, завелъ знакомство со многими изъ нихъ, узналъ образъ ихъ жизни и помѣщеніе. Постараюсь припомнить, что еще не изгладилось совершенно изъ памяти.

Прежде всего скажу о зданіяхъ. При открытіи Академіи, въ Лаврѣ, были переданы ей слѣдующія зданія:

1) Царскіе чертоги. Это красивое двухъэтажное каменное зданіе длиною въ 40 сажень, по открытіи Академіи, не долго сохранялось въ томъ видѣ, какой имѣло оно во времена Елисаветы и Екатерины II. Во второй этажъ прежде входили по двумъ великолѣпнымъ каменнымъ входамъ, или крыльцамъ, устроеннымъ въ 1775 году и начинавшимся съ южной стороны противъ чертоговъ отъ семинарской ограды, состоявшей изъ каменныхъ столбовъ и рѣшетки, — одинъ противъ колокольни, другой противъ Успенскаго собора. Подъ окнами втораго этажа чертоговъ между крыльцами тянулась деревянная галлерей. И крыльца и галлерей уничтожены въ августѣ 1815 года. Западная оконечность верхняго этажа чертоговъ, гдѣ были столовая и почивальня императрицы Елисаветы и гдѣ теперь находится актовая зала, назначена

была для конференціи, правленія и канцеляріи правленія; здѣсь не сдѣлано никакихъ измѣненій, двѣ оригинальныя кафельныя печи временъ императрицы Елисаветы, равно какъ лѣпныя на сводахъ работы того же времени, сохранены въ ихъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ находятся и донинѣ. Теперь залы конференціи и правленія, съ прибавкою исторической аудиторіи, украшенной портретами ректоровъ Академіи, соединены въ общую актовую залу. Середина чертоговъ (кромѣ — одной комнаты задней ея части) назначена для помѣщенія ректора Академіи. Восточная сторона чертоговъ занята залою для публичныхъ собраній, служившею вмѣстѣ съ тѣмъ и богословскою аудиторіею. Потолокъ ея былъ росписанъ: въ срединѣ изображено было окруженное сіяніемъ и облаками Евангеліе, разгнутое на словахъ: „Въ началѣ бѣ Слово“, на обоихъ концахъ потолка представлены были символы Ветхаго и Новаго Заветовъ. Здѣсь совершали въ мое время всенощныя подь праздники и воскресные дни зимою.

Нижній этажъ, кромѣ восточной его части, передѣланной въ столовую, кухню и хлѣбную, былъ занятъ номерами для житья студентовъ; особыхъ комнатъ для занятій тогда не было. Теперь почти всѣ онѣ обращены въ спальни.

2) Учительскій или профессорскій корпусъ, — длинное, узкое двухъэтажное съ подвальнымъ этажемъ каменное зданіе, начинавшееся отъ чертоговъ и простиравшееся до башни, находящейся на восточной сторонѣ монастырской ограды и называвшейся келарскою. Оно занимаетъ 39 сажень въ длину и прозвано было кишкою, въ официальныхъ же бумагахъ обозначалось названіемъ желтаго корпуса. Старый корпусъ — кишка въ 1838 году сломанъ. Въ мое время въ двухъ этажахъ этого корпуса жили Ал. И. Сергѣевскій, бакалавръ Д. П. Новскій (бывшій послѣ протопресвитеромъ Московскаго Успенскаго собора) и другіе бакалавры. Одна комната отдана была студентамъ — монахамъ, не помѣщавшимся въ комнатѣ, гдѣ жили ихъ предшественники, за тѣмъ, что въ шестомъ курсѣ было десять монаховъ и студенты прозвали его монашескимъ курсомъ.

3) Корпусъ инспекторскій, каменный двухъэтажный, построенъ въ 1816 году у восточной ограды монастыря на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде такъ называемый келарскій

корпусъ, простиравшійся отъ келарской башни до святыхъ воротъ и занимавшій пространство въ 50 сажень. Въ верхнемъ этажѣ вновь выстроеннаго инспекторскаго корпуса дано помѣщеніе инспектору и бакалаврамъ Академіи, преимущественно монашествующимъ (4 квартиры). При мнѣ жили тутъ инспекторъ, бакалавръ Аѳанасій, экстраординарный профессоръ Пл. Ив. Доброхотовъ и экономъ. Въ нижнемъ этажѣ жили младшіе студенты академіи. По новому уставу особыя спальныя комнаты для студентовъ устроены въ бакалаврскихъ квартирахъ этого корпуса въ 1848 г., а комнаты нижняго этажа предоставлены только для занятій студентамъ.

4) Библиотечный корпусъ. Позади царскихъ чертоговъ, къ сѣверу до самой ограды, стояли въ прошедшемъ столѣтіи дворцовыя кухни, устроенныя на мѣстѣ бывшаго дворца царя Іоанна Васильевича. Въ 1801 г. по причинѣ ветхости онѣ разобраны и на томъ мѣстѣ въ 1803 году построено на 22-хъ саженьхъ новое, двухъэтажное каменное зданіе, нижній ярусъ котораго занятъ былъ столовою для троицкихъ семинаристовъ, хлѣбною и кухнею, а въ верхнемъ большая зала назначена была для богословской аудиторіи, другія же двѣ для библиотеки. Первая и самая большая комната была украшена лѣпнымъ изображеніемъ Моисея на Синайской горѣ. Гора эта была внутри пустая съ небольшими скважинами снаружи; во время семинарскихъ актовъ, при митрополитѣ Платонѣ, ставили внутри горы благовонныя куренья, и Синай дымился предъ глазами посѣтителей. Теперь библиотека перенесена въ новопостроенный корпусъ, а прежнее ея зданіе передѣлано для студенческой столовой. По открытіи Академіи, въ теченіи двухъ курсовъ, назначеніе верхняго этажа оставалось такое же, но въ 1820 г. онъ весь занятъ былъ библиотекою. Въ это время уничтожена галерея, тянувшаяся подъ окнами верхняго этажа библиотечнаго зданія и съ восточной стороны устроено крыльцо съ каменными колоннами и съ лѣстницей, ведшею въ библиотеку. Въ библиотекѣ бывалъ я часто съ библиотечаремъ Ал. И. Сергіевскимъ. Онъ давалъ мнѣ книги на домъ.

5) Больница. Тогда при Академіи, Лаврѣ и Виѳанской семинаріи былъ одинъ очень своеобразный врачъ штаб-лѣкаръ Степ. Григ. Витовскій, пожалованный императо-

торомъ Павломъ въ медики изъ фельдшеровъ, безъ всякаго экзамена, единственно по рекомендаціи митрополита Платона, что онъ хорошо лѣчить Виенскихъ семипаристовъ. Познанія его въ медицинѣ были самыя ничтожныя; въ лѣченіи онъ ограничивался хиной, ялаппой и груднымъ чаемъ, но фельдшерскую часть зналъ хорошо: искусно перевязывалъ раны, исправлялъ вывихнутые и переломленные члены. Впрочемъ въ академической больницѣ очень рѣдко бывали больные: если кто изъ студентовъ занемогалъ посерьезнѣе, его тотчасъ же отправляли въ Москву. Деревянная ветхая больница, въ которой распоряжался Витовскій, очень часто пьяный, стояла въ заднемъ академическомъ саду; въ ней было четыре комнаты для больныхъ и одна для аптеки, съ надписью надъ дверями, сдѣланной еще митрополитомъ Платономъ въ честь Витовскаго: „врачу, исцѣлися самъ“.

Въ февралѣ 1827 года внезапно пораженъ былъ апоплексіей студентъ Русановъ; онъ черезъ нѣсколько часовъ умеръ, не смотря на то, что къ нему призваны были двое врачей: докторъ Мичуринъ, жившій у насъ, и лѣкарь Гойтанниковъ, гостившій у брата своего, о. ректора Поликарпа. Между тѣмъ, какъ два врача заботились объ умирающемъ, а множество студентовъ, вмѣстѣ со мною, наполняло комнату, взмошелъ Витовскій, хмѣльной и очень ослабѣвшій. Не подходя къ больному, онъ сѣлъ на одну изъ кроватей и говорилъ про себя: „что онъ Арх—ій, или Астр—ій, Костр—ой или Волог—скій? умреть! умреть?“ Вслѣдъ за тѣмъ Витовскій уволенъ по болѣзни отъ службы. На мѣсто его просился докторъ Мичуринъ, который успѣлъ къ этому времени совершенно меня вылѣчить. Объ немъ ходатайствовала у митрополита мать моя; но академическое правленіе, желая дать это мѣсто брату ректора, старалась устранить Мичурину будто бы по неопытности, — и получило отъ митрополита такую резолюцію: „сужденіе академическаго правленія о неопытности доктора Мичурина за основательное признать не можно; ибо онъ занимался практикою не два мѣсяца, какъ пишетъ правленіе, но по самому аттестату нѣсколько сверхъ того мѣсяцевъ во время самаго производства въ лѣкаря, и потомъ, какъ извѣстно, и прежде и послѣ своей уѣздной службы практику всегда имѣлъ. Производство въ лѣкаря перваго отдѣленія

и чрезъ нѣсколько потомъ лѣтъ въ доктора доказываютъ способность и успѣхи, признанные въ немъ судіями, знающими его дѣло, а не такими, какъ члены академическаго правленія. Впрочемъ, если правленіе имѣетъ въ виду опытнѣйшаго, такового можетъ представить, только не родственника никому изъ членовъ правленія, дабы избраніе было безпристрастно“ (намекъ на Гойтанникова). Витовскій чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ, оставивъ послѣ себя вдовою вторую жену, молодую и очень красивую. Въ неѣ былъ страстно влюбленъ Пл. Ив. Доброхотовъ и по смерти Витовскаго хотѣлъ жениться на ней, не смотря на ея болѣзненное состояніе. Но бѣдная Анна Николаевна, измученная старымъ, пьянымъ и ревнивымъ мужемъ, вслѣдъ за нимъ кончила жизнь отъ чахотки, на 26 году отъ рожденія. Она была побочная дочь Николая Михайловича Желябужскаго, двоюроднаго брата моей матери. Послѣдняя очень любила и часто навѣщала больную, въ послѣднія дни ея жизни. Грустно было смотрѣть на Платона Ивановича во время ея похоронъ. Онъ постановилъ памятникъ на ея могилѣ съ надписью: „до свиданія“, и дѣйствительно пережилъ еѣ только немногими годами. Замѣчали, что послѣ смерти Витовской характеръ его совершенно измѣнился и утратилъ всю свою прежнюю ѣдкость.

Чтобы окончить прерванную рѣчь объ академическихъ зданіяхъ, скажу нѣсколько словъ объ академической банѣ. Она была деревянная и находилась между больницей и бібліотекой въ разстояніи отъ послѣдней на 7 сажень. Въ 1827 году правленіе опредѣлило по ветхости сломать ее и на мѣстѣ ея построить новую деревянную же. Но соборъ лавры не согласился на возведеніе новыхъ деревянныхъ строеній въ монастырѣ; поэтому составлены были планъ и смѣта на построеніе каменной бани, но Коммиссія дух. училищъ потребовала сократить смѣтную сумму, и дѣло о постройкѣ бани затянулось до 1833 года. Въ 1847 году замѣнена каменною. Въ 1832 г. старая академическая баня загоралась. Митрополитъ по этому поводу писалъ намѣстнику Антонію: „проговорились вы, сказали правду, которую отъ меня таили. Договаривайте же, когда загоралась академическая баня? Почему мнѣ не донесли о семъ отъ собора? Или соборъ разсуждаетъ донести уже тогда, когда

Академія сожжетъ Лавру? Не поздно ли будетъ?“ Теперь баня — каменная и пользуется водою изъ монастырскаго водопровода.

Окончивъ осмотръ Академическихъ зданій, перейдемъ къ описанію быта студентовъ, хорошо знакомому мнѣ въ шестомъ курсѣ, т. е. штатному числу ихъ, раздѣленному на двѣ половины, столу, одеждѣ и другимъ потребностямъ учащейся молодежи.

Столъ студенческой былъ очень незатѣливъ и даже грубъ. Ежедневно предлагались имъ только щи и каша, а въ воскресные и праздничные дни прибавлялись къ тому пироги. При постномъ столѣ въ постное время -- употреблялось конопляное масло. Однажды, когда студенты жаловались инспектору на дурно протеченный хлѣбъ, Евлампій сказалъ имъ: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“...

Одежда студентовъ состояла изъ выдававшихся на два года суконнаго сюртука синяго или сѣраго цвѣта и пары замшевыхъ перчатокъ и изъ устрояемаго ежегодно шлафрока тиковаго или затрапезнаго, китайчатыхъ панталонъ и жилета, кромѣ того каждый годъ назначено выдавать по три сорочки съ исподницами, одному черному платку, или двумъ косынкамъ, по три пары нитяныхъ чулокъ, по двѣ пары сапоговъ и одной парѣ головъ сапожныхъ, по пуховой круглой шляпѣ. На четыре года выдавался тюфякъ со всѣми постельными принадлежностями. При окончаніи курса студентъ получалъ фракъ синяго или сѣраго сукна съ гладкими бронзовыми пуговицами безъ герба. Такое устройство одежды требовалось академическимъ уставомъ. Шинели не полагалось и студентъ долженъ былъ устроить для себя зимнюю одежду на собственные средства. Конечно большая часть студентовъ имѣло свое собственно верхнее платье, но были и такіе бѣдняки, которые должны были въ однихъ сюртучкахъ проходить изъ Академіи въ трапезную церковь, гдѣ, за неимѣніемъ еще своей домовою церкви, совершались тогда академическія богослуженія. Одному изъ послѣднихъ студентовъ Ив. Ив. Богословскому матушка моя, узнавъ отъ кого-то о его бѣдности, вздумала сплести шинель на ватѣ, грубаго сукна и домашней работы. Богословскій (впослѣдствіи о. Іосифъ) былъ въ восхищеніи и приходилъ благодарить за подарокъ, какъ будто за великое благодѣяніе.

По окончаніи курса, онъ былъ послѣдовательно—инспекторомъ и ректоромъ Московской семинаріи и епископомъ Дмитровскимъ, и наконецъ архіепископомъ Воронежскимъ. Скончался онъ на покоѣ въ 1892 году. Возвышаясь въ почестяхъ, онъ не забылъ прежняго подарка, навѣщалъ мать мою и, будучи уже епископомъ, сидѣлъ у постели ея во время послѣдней ея болѣзни. Позднѣе, когда я былъ у него со всей своей семьей въ Воронежѣ, онъ сказалъ мнѣ: „скажу вамъ откровенно, что я со времени рукоположенія въ священникъ, не пропустилъ ни одной литургіи безъ того, чтобы не помянуть на проскомидіи имени покойной графини. Такова была благодарность старца святителя за подарокъ, весьма не важный и не цѣнный!

Число студентовъ, по штату, простиралось до 120 человекъ. Приемъ въ Академію производился по экзамену одинъ разъ въ два года. Студенты послѣ приѣма поступали въ младшее отдѣленіе, а черезъ два года переходили въ старшее. Въ каждомъ номерѣ т. е. въ каждой изъ комнатъ, населенныхъ студентами, были, по назначенію инспектора, старшіе изъ лучшихъ студентовъ, готовящихся къ окончанію курса. Они обязаны были наблюдать за поведеніемъ товарищей и подавать о томъ инспектору ежедневныя записки такого содержанія: „Въ номерѣ такомъ-то все благополучно. Студенты всѣ здоровы, занимались лекціями; особыхъ происшествій не было“. Такая же обязанность возложена была и на фельдшера, если нѣкоторые студенты находились въ больницѣ. Этотъ человекъ, довольно наученный Витовскимъ своему ремеслу, но глупый и пьяный, подалъ однажды Евлампію такую записку: „въ больницѣ все благополучно; больной студентъ здоровъ; особыхъ происшествій не было“.

Особыхъ развлеченій, необходимыхъ для молодежи, было очень мало. Лѣтомъ студенты могли гулять въ монастырскомъ саду, на Корбухѣ и въ Виоанскихъ рощахъ, но для зимняго времени оставались однѣ монастырскія стѣны. Музыка и пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ не дозволялись. Въ видѣ развлеченія случалось иногда служеніе Бахусу, особенно въ праздники, именины и т. п.

Церковное пѣніе было весьма развито; нѣкоторые изъ пріѣзжающихъ москвичей увѣряли, что академическій хоръ не только не уступаетъ синодальному и чудовскому, но и

превосходить ихъ обоихъ. Въ шестомъ курсѣ онъ отличался особеннымъ изяществомъ; въ немъ были тогда отличные голоса, какъ напр. регента Левицкаго. Главнымъ недостаткомъ хора было отсутствіе малолѣтнихъ пѣвчихъ; впрочемъ одинъ студентъ (кажется, Розовъ) пѣлъ почти дискантомъ. — Нынѣшній хоръ много уступаетъ тогдашнему.

Лѣто 1827 года ознаменовалось особеннымъ приключеніемъ. На сѣверо-восточномъ углу Лавры стоитъ башня, отличающаяся отъ прочихъ своею архитектурою и стоящимъ надъ нею небольшимъ бельведеромъ съ уткою на верху. Въ день праздника 5-го іюля 1822 года въ ней повѣсился поврежденный въ умѣ студентъ. Послѣ того неоднократно, особенно по вечерамъ, слышались ходящимъ по стѣнѣ или снаружи около башни тихіе жалобные звуки, подобные стонамъ. Вечеромъ 4-го іюля 1827 года пріѣхалъ къ намъ родной дядя мой—графъ Андрей Степановичъ Толстой (бывшій позднѣе родителемъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Дмитрія Андреевича). Онъ вмѣстѣ съ нами поѣхалъ въ монастырь, но наскучивъ продолжительностію службы, отправился гулять по оградѣ. Подходя къ Красной башнѣ, онъ услышалъ стонъ и, думая, что тамъ кто-нибудь занемогъ и просить помощи, вошелъ въ башню и сталъ подниматься по лѣстницѣ. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ болѣе усиливался стонъ, и наконецъ на самомъ верху, подъ тою несчастной перекладиной, на которой совершилось, за 5 лѣтъ передъ тѣмъ, самоубійство студента, звуки сдѣлались настолько громки, что навели ужасъ на дядю. Поспѣшно сошелъ онъ съ ограды, и мы, при выходѣ изъ церкви, нашли его блѣднымъ и сильно смущеннымъ. Онъ разсказалъ намъ о томъ, что съ нимъ случилось и тутъ только узналъ отъ моей матери о несчастно-погибшемъ студентѣ. Какъ объяснить этотъ случай? Дѣйствіемъ воображенія объяснить нельзя, потому что дядя прежде ничего не зналъ о таинственныхъ звукахъ въ Красной башнѣ; сверхъ того онъ былъ человѣкъ смѣлаго характера, отличался храбростію въ отечественной войнѣ и не вѣрилъ никакимъ явленіямъ духовъ. Многіе думали, что душа несчастнаго самоубійцы приходила стонать на то мѣсто, гдѣ насильственно разлучилась съ тѣломъ. Другіе полагали, что звуки зависятъ отъ сквознаго вѣтра, который прорывается, постепенно усили-

ваясь, съ ограды сквозь отворенную дверь до самаго верха башни. Это послѣднее мнѣніе подтвердилось въ послѣдствіи, когда въ башнѣ устроенъ былъ водоемъ, и дверь съ ограды заперта. Съ тѣхъ поръ ни на оградѣ, ни снаружи, подъ стѣнами башни, никакихъ звуковъ не слышно. При разсужденіи объ этомъ случаѣ, наставникъ мой Θ . А. Голубинскій, собиравшій свѣдѣнія объ отношеніяхъ усопшихъ къ живымъ, склонялся на мнѣніе о стонахъ самоубійцы, а товарищъ его, профессоръ П. С. Делицинъ, считалъ причиною звуковъ дѣйствіе сквознаго вѣтра.

Въ томъ же 1827 году почтенный наставникъ мой Θ . А. Голубинскій вступилъ въ бракъ съ сестрою своего учителя и друга—Василія Ивановича Кутневича (тогда протоіерея Московскаго Архангельскаго собора, а позднѣе протопресвитера арміи и флотовъ и члена св. Синода), Анною Ивановною. Онъ долженъ былъ оставить казенную квартиру въ Академіи, какъ человекъ женатый, и поселился въ наемной квартирѣ, потому что оба помѣщенія въ казенномъ академическомъ домѣ въ Ильинской слободѣ были заняты двумя семейными профессорами. Тогда, при жалованьѣ довольно скудномъ, не выдавалось квартирныхъ денегъ; въ послѣдствіи наставники Академіи стали получать пособіе по этому предмету.

Выше сказала я, что въ шестомъ курсѣ я былъ знакомъ съ весьма многими (почти со всѣми) студентами, но изъ числа ихъ были приняты покойною матушкою весьма немногіе, а именно:

Василій Потаповичъ Знаменскій, пользовавшійся особеннымъ покровительствомъ Θ . А. Голубинскаго. Онъ былъ уроженецъ г. Ярославля и постоянно занималъ въ разрядныхъ спискахъ первое мѣсто. При переходѣ въ старшее отдѣленіе онъ отличился стихотвореніями, написанными на посѣщеніе Лавры и академіи императоромъ Николаемъ Первымъ. Привожу для ознакомленія съ этими гѣснопѣніями двѣ строфы перваго изъ нихъ:

„Когда, какъ громъ, раздался гласъ:

„Благословенный взять отъ насъ!“

И свѣтъ очей отъ насъ сокрылся,

И день намъ въ ночь преобразился,

И, мнилось намъ, земля тряслась,

И буря надъ главою неслась,—
 И мы, питаея слезами:
 „Почто его отъ насъ Ты взялъ,
 „Утѣху Россіянъ отъялъ?“
 Вопили къ Вышнему сердцами:
 Тогда Благословенный въ вѣкъ,
 Съ престола благодати изрекъ:
 „Хотя свѣтильникъ твой представилъ,—
 „Мой Россѣ! тебя я не оставилъ:—
 „И се Моя тебѣ любовь:
 „Творить дни Александра вновь
 „Хочу, да въ духѣ Николая
 „Воскреснетъ Александра духъ:
 „Да сонмы бдятъ небесныхъ слугъ,
 „Его державу ограждая“.

Кромѣ этой прекрасной оды, Знаменскій написалъ еще одно небольшое стихотвореніе на тотъ же случай. Оба эти произведенія, вмѣстѣ съ стихами экстр. профессора Ѳ. А. Терновскаго-Платонова были напечатаны и поднесены Государю. Остались неапечатанными сочиненный тѣмъ же Ѳедоромъ Алексѣвичемъ *carmen gratulatorium*, и ода написанная орд. профессоромъ П. С. Делицынымъ. Объ нихъ скажемъ послѣ.

При необыкновенныхъ способностяхъ и постоянномъ прилежаніи Знаменскій былъ необыкновенно набоженъ и чувствителенъ; на страстной недѣлѣ, приготавлиаясь къ причащенію Святыхъ Таинъ, онъ проливалъ искреннія слезы. Ему оставалось только полгода до окончанія курса, какъ, вслѣдствіе доклада Сперанскаго Императору о необходимости избрать изъ духовныхъ академій—Петербургской и Московской по трое воспитанниковъ для образованія ихъ въ російскомъ законовѣдѣніи, былъ избранъ и въ февралѣ 1828 года, вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, Благовѣщенскимъ и Неволынымъ, отправленъ въ Петербургъ. Здѣсь они слушали въ университетѣ уроки по юридическимъ наукамъ, и кромѣ того во 2-мъ отдѣленіи канцеляріи Его Величества у Балугьянскаго, Куницына, Плисова и Клокова. За ходомъ ихъ образованія наблюдалъ самъ Сперанскій. Послѣ экзамена, который произвелъ имъ Спе-

ранскій вмѣстѣ съ профессорами-юристами, они въ сентябрѣ 1828 года отправлены были за границу и въ Берлинѣ отданы въ руководство профессора гражданского права Савиньи. Кромѣ его лекцій они слушали въ Берлинскомъ университетѣ лекціи у Кленце, Гофмана, у знаменитыхъ Риттера, Гегеля (недолго), Бенеке и у другихъ болѣе чѣмъ 25 профессоровъ. Пробывъ два съ половиною года въ заграничномъ путешествіи, во время котораго два раза посѣщали разные города въ Швейцаріи и Германіи, они въ сентябрѣ 1832 года возвратились въ Петербургъ. Савиньи отозвался о нихъ Сперанскому, что изъ числа 500 студентовъ Берлинскаго университета они были первые. Ихъ предназначали къ занятію каѳедръ юридическихъ наукъ въ университетахъ, или въ предполагавшемся къ открытію Училищѣ правовѣдѣнія, а до времени ихъ причислили ко 2-му отдѣленію канцеляріи Его Величества, и Сперанскій поручилъ имъ обрабатывать сводъ законовъ Остзейскихъ губерній. Въ 1833 году имъ дано Высочайшее разрѣшеніе держать экзамень прямо на доктора. Весной 1834 года этотъ экзамень былъ ими выдержанъ и потомъ они представили докторскія диссертациі. Знаменскій писалъ на тему: *De philosophica juris civilis tractandi ratione, per comparationem jurgium diversorum gentium instituenda*. Диссертациа одобрена и уже печаталась, автору назначена каѳедра законовѣдѣнія въ Кіевскомъ университетѣ, какъ вдругъ онъ сильно занемогъ воспаленіемъ легкихъ и скончался въ январѣ 1835 года.

Константинъ Алексѣевичъ Неволинъ въ одно время съ Знаменскимъ, въ началѣ 1828 года, избранъ изъ студентовъ академіи и отправленъ въ Петербургъ и потомъ въ Берлинъ для изученія правовѣдѣнія. Возвратившись изъ-за границы, выдержалъ докторскій экзамень и защитилъ въ февралѣ 1835 года диссертациа на степень доктора: *О философіи законодательства у древнихъ*, и назначенъ профессоромъ энциклопедіи законовѣдѣнія въ Кіевскій университетъ, изъ котораго въ 1843 году переведенъ въ С.-Петербургскій на каѳедру русскихъ гражданскихъ законовъ и гражданского судопроизводства. Онъ былъ человѣкъ весьма твердаго, непреклоннаго характера и вмѣстѣ съ тѣмъ, до выѣзда изъ академіи, отличался необыкновенною наивностію

въ обращеніи. Скончался въ октябрѣ 1855 года, оставивъ послѣ себя значительное количество сочиненій, которые изданы въ 1857 году въ шести томахъ. Изъ этихъ сочиненій имѣютъ особенно важное значеніе Энциклопедія законовѣденія, въ двухъ томахъ (изд. въ Кіевѣ въ 1839 г.), Исторія Россійскихъ законовъ, въ 3-хъ частяхъ (Спб. 1851 г.) и О Новгородскихъ пятинахъ (Спб. 1853 г.). До отъѣзда въ Петербургъ, К. А. Неволинъ гостилъ у меня въ Каменкѣ въ вакаціонное время. (Во время служенія въ Кіевѣ онъ не боялся опасностей, грозившихъ ему отъ поляковъ). Оба мои пріятели—Знаменскій и Неволинъ присылали мнѣ письма изъ Берлина; этими письмами воспользовался С. К. Смирновъ при составленіи краткихъ отзывовъ о нихъ въ Исторіи Московской Духовной Академіи.

От. Іоаннъ Чистяковъ, воспитанникъ Калужской семинаріи, сынъ извѣстнаго въ свое время образцоваго благочиннаго, отца протоіерея Іакова Чистякова, очень привлекательный въ обращеніи, живаго характера и блестящихъ способностей, но къ несчастію очень мнительный и подверженный ипохондріи. Въ непрестанной заботѣ о своемъ здоровьѣ, онъ жаловался однажды доктору Мичурину, что у него, при головной боли, болятъ даже волосы и вѣтеръ ходитъ въ сапогахъ. Даже въ богослуженіи не снималъ калоши, не смотря на то, что въ трапезной церкви полъ былъ теплый, отъ находившейся подъ нею кухни. Хорошо писалъ и мастерски произносилъ проповѣди, подражая своему двоюродному брату Іліодору (впослѣдствіи архіепископу Курскому). Назначенъ инспекторомъ Рязанской семинаріи. Скончался въ 1833 году архимандритомъ и ректоромъ въ Тамбовской семинаріи. Онъ приходилъ къ намъ въ домъ довольно часто, но никогда не обѣдалъ, питаясь своеобразною пищею.

Козьма Васильевичъ Левицкій изъ Пензенской семинаріи, регентъ академическаго хора, отлично устроеннаго въ шестомъ курсѣ; назначенъ профессоромъ въ Виѣанскую семинарію. Скончался въ 1835 году, будучи священникомъ въ Москвѣ.

Константинъ Петровичъ Успенскій, изъ Виѣанской семинаріи. Отличался любовію къ математическимъ наукамъ

и постоянно занимать первое мѣсто въ спискѣ профессора Делицына. Въстѣ съ Левицкимъ гостилъ у насъ въ Каменкѣ въ 1828 году; былъ профессоромъ въ Вианской семинаріи, а послѣ священникомъ, благочиннымъ и протоіереемъ въ Москвѣ.

Кромѣ исчисленныхъ выше, мнѣ были знакомы почти все студенты шестаго курса, но послѣ того времени прошло уже болѣе шестидесяти лѣтъ и я позабылъ многихъ изъ нихъ. Назову теперь тѣхъ, кого упомянулъ.

Петръ Евдокимовичъ Покровскій, изъ Московской семинаріи, человѣкъ благодушный и ласковый, не терпѣвшій хмѣльныхъ напитковъ. Былъ старшимъ въ первомъ номерѣ по отъѣздѣ В. П. Знаменскаго въ Петербургъ. Въ этомъ № сходилось по воскреснымъ днямъ послѣ литургіи для разбора журналовъ и газетъ большинство студентовъ, которые выписывали ихъ сами. Въ этой выпискѣ и я участвовалъ. По окончаніи курса П. Е. опредѣленъ профессоромъ Московской семинаріи. Въ 1834 году принялъ санъ священства и опредѣленъ къ Московской Параскевievской, въ Охотномъ ряду, церкви. Въ 1855 году назначенъ настоятелемъ Московскаго Архангельскаго собора. Въ ноябрѣ 1871 года назначенъ главнымъ священникомъ арміи и флотовъ. Скончался въ 1888 г.

От. Спиридонъ Граціановъ, необыкновенно красивый монахъ, вовсе не занимавшійся своею наружностію, съ прекрасными бѣлокурыми кудрями, но всегда спутанными и торчащими копною, бѣгавшій отъ женщинъ, какъ отъ заразы, но всегда ласковый, привѣтливый и веселый въ товарищескомъ кругу. Былъ ректоромъ Саратовской семинаріи, гдѣ и скончался въ 1855 году.

От. Агапитъ Введенскій, изъ Владимірской семинаріи, строгій подвижникъ, не вкушавшій еще до монашества мяса. Назначенъ инспекторомъ Владимірской семинаріи. Въ 1834 году опредѣленъ ректоромъ Вианской семинаріи и произведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1842 году по прошенію уволенъ во ввѣренный управленію его Іосифовъ Волоколамскій монастырь. Въ 1851 году назначенъ настоятелемъ Московскаго Новоспасскаго монастыря и былъ членомъ Московской Синодальной конторы. Скончался 28 мая 1877 года. Епископъ Владимірскій Парѣеній въ письмѣ къ митрополиту Серафиму такъ отзывался объ Агапитѣ: „инспекторъ

нашъ—рабъ Божій, воистину израильтянинъ, младенецъ по чувствамъ въ новой духовной жизни“. Митрополитъ Филаретъ писалъ объ Агапитѣ: „изъ моихъ могъ бы я представить въ настоятели Донскаго монастыря Агапита, Іосифовскаго архимандрита, бывшаго Виѳанскаго ректора: но онъ не обѣщаетъ быть довольно благовиднымъ въ обращеніи съ знатными посѣтителями, которые многочисленны ради монастыря и ради кладбища въ немъ“.

Іеромонахъ Евграфъ Казанцевъ-Платоновъ изъ Виѳанской семинаріи, первый магистръ шестаго курса. Оставленъ бакалавромъ при академіи по классу священнаго писанія. Человѣкъ съ блестящими способностями, но къ несчастію не подражавшій своимъ товарищамъ Агапиту и Спиридону въ трезвости, а напротивъ крѣпко привязанный къ хмѣльнымъ напиткамъ, которые и погубили его. Черезъ годъ съ небольшимъ онъ былъ лишенъ духовноучебной службы и отправленъ для исправленія въ Старо-Голутвинскій монастырь близъ Коломны, но исправленія не было. Митрополитъ, надѣясь, что Евграфъ придетъ въ себя, перевелъ его въ Ростовскій Іаковлевскій монастырь. Тамъ настоятель, извѣстный архимандритъ Інокентій, заперъ Евграфа въ комнатѣ, устроенной въ угловой башнѣ. Оттуда онъ выбросился въ окно и убится, въ 1833 году. По видимому, онъ былъ помѣшанъ; оставилъ послѣ себя какое-то сочиненіе, совершенно лишенное смысла и пробу пера на нѣсколькихъ листахъ: „Евграфъ митрополитъ Московскій“. Это я слышалъ отъ покойнаго от. архим. Іннокентія. Видѣлъ сочиненіе Евграфа и листы съ пробой пера. То и другое долго сохранялось въ бібліотекѣ монастыря.

Василій Григорьевичъ Примѣровъ, изъ Пензенской семинаріи, оставленъ при академіи бакалавромъ по физикѣ. Съ октября 1828 года до іюля 1829 г. преподавалъ полемическое богословіе, съ августа 1829 въ теченіе года преподавалъ истолковательное богословіе. Выбылъ изъ академіи въ 1837 году и поступилъ на службу въ М. опекунскій совѣтъ, гдѣ былъ директоромъ и выслужилъ пенсію.

Еще много могъ бы я перечислить именъ, но они остались бы одними именами. Замѣчу только, что изъ десяти студентовъ-монаховъ, окончившихъ курсъ, достигли архіерейскаго сана только два кандидата. О первомъ изъ нихъ,

преосвящ. Варлаамъ Тобольскомъ (въ мѣрѣ Вас. Ив. Успенскомъ) ничего не скажу, потому что мало зналъ его и совершенно потерялъ изъ виду по выходѣ его изъ академіи. Со вторымъ (преосвящ. Іосифомъ Воронежскимъ) я сохранилъ искреннія, дружескія отношенія. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его маститымъ старцемъ, лишеннымъ зрѣнія и удалившимся въ уединеніе. Остальные восемь монаховъ (магистры и кандидаты) рано похищены смертію, или оставили ученую дорогу и окончили жизнь свою въ монастыряхъ.

Графъ М. Толстой.